

УДК 82-94

«ПОКА Я ОБЪЯВЛЕН ЖИВЫМ...»

КРЮКОВ Александр Самуилович,

доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы, Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В публикации автора подробно комментируются события, связанные с историческим постановлением ЦК КПб «О журналах "Звезда" и "Ленинград", отраженные в дневнике Б.М. Эйхенбаума.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: партийный декрет, поправки Сталина, дневник Эйхенбаума, Зоценко, Ахматова.

KRUKOV A.S.,

Dr. Philolog. Sci., Professor of the Department of theory, history and methodology of teaching Russian language and literature, Voronezh state pedagogical University

"WHILE I AM DECLARED ALIVE..."

ABSTRACT. The author's publication conveys all the events connected with the historic decree of the Central Committee of the CPb "About magazines "Zvezda" and "Leningrad" and the same events reflected in the diary of B.M. Eichenbaum.

KEY WORDS: party decree, Stalin's amendments, the diary of Eichenbaum, Zoshchenko, Akhmatova.

14 августа 1946 года Центральный Комитет Коммунистической Партии (большевиков) – партии единой и единственной на всем пространстве Советского государства – принял историческое постановление «О журналах "Звезда" и "Ленинград"».

Второй пункт партийного декрета гласил: «Ввиду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется никаких надлежащих условий, прекратить издание журнала "Ленинград"».

Однако прежде чем довести партийное постановление до каждого советского гражданина, его внимательно прочитал и поправил товарищ Сталин. Поправки Генералиссимуса лаконичны и выразительны, как слова приказа перед решающим наступлением.

«Редакции "Звезды" известно, что Зоценко давно специализировался на написании пустых, бессодержательных и пошлых (вписывает Верховный Главнокомандующий Сталин – А.К.) вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости (добавляет Маршал Сталин – А.К.) и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зоценко "Приключения обезьяны" представляет пошлый (Герой Советского Союза Сталин заменяет слово "злостный" на полюбившееся ему – "пошлый" – А.К.) пасквиль на советский быт и советских людей. Зоценко изображает советские порядки и советских людей в уродливо-карикатурной форме, клеветнически представляя советских (Генеральный Секретарь т. Сталин убирает слово "наших", хорошо сознавая, что в подвластной ему империи не может быть наших и ненаших, а могут существовать только единосветские – А.К.) людей примитивными, малокультурными, глупыми с обывательскими вкусами и нравами.

Предоставление страниц "Звезды" таким "пошлякам" и (вписывает Герой Социалистического

Труда Сталин – А.К.) "подонкам литературы", как Зоценко, тем более недопустимо, что редакции "Звезды" хорошо известны физиономия Зоценко и недостойное поведение его во время войны...

Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии (вписывает Министр Вооруженных Сил Сталин – А.К.), застывшей на позициях буржуазно-демократического эстетства и декадентства – "искусства для искусства", не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе».

ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно представляет свои страницы «для пошлых (не понравилось Вождю слово «безыдейных», он по привычке заменил его на «пошлых» – А.К.) клеветнических выступлений Зоценко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой».

ЦК устанавливает, что представители Правления Союза советских писателей, и в частности его председатель Т. Тихонов, не приняли никаких мер к улучшению журналов «Звезда» и «Ленинград» и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зоценко и Ахматовой и «им подобных несветских писателей» (эти слова вписаны Вождем лично – А.К.) на советскую литературу, но «даже (последний залп Маршала – А.К.) попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов».

Более 40 лет партийное постановление, выпущенное Вождем всех народов, изучалось в школах и вузах, лишь в 1988 году, когда многих «деятели

14 августа» (как называла их Ахматова) уже не осталось в живых, оно было отменено.

Прошло еще пять лет, несколько питерских литераторов решили возобновить издание запрещенного журнала, дав ему несколько претенциозное, но не лишнее название: «Петербургский журнал "Ленинград"» [1]. Журналу не повезло: вышел всего один номер в четырех выпусках. Почти весь тираж остался у издателей, о журнале вскоре забыли.

Между тем в нем были впервые, хотя и фрагментарно, напечатаны «Стенограмма заседания правления Ленинградского отделения Союза Советских Писателей от 19 августа 1946 года» и «Дневник Бориса Михайловича Эйхенбаума» за тот же 1946 год, к сожалению, с купюрами и без комментариев. Материалы совершенно разные: с одной стороны, официальный документ, с другой – частный дневник известного ученого.

Основное содержание дневника – записи о работе над книгой о Льве Толстом, книгой написанной и потерянной во время эвакуации из блокадного Ленинграда. Работа спасительная и спасающая, она помогла Эйхенбауму пережить блокадное время, помогла выжить в 1946 году. Заметки и размышления о работе перемежаются с записями о людях, с которыми сталкивалась жизнь, – А. Ахматовой, Д. Шостаковиче, М. Зощенко, Е. Шварце, Д. Журавлеве, Т. Вячесловой, коллегам по Университету и Институту литературы, впечатлениям о театрально-художественной жизни Ленинграда в первый послевоенный год. Начнем с дневника.

25 января. «23-го и 24-го успел очень мало, потому что был занят. Весь вечер 23-го (4 часа подряд) читал о Толстом в доме Красной армии – мне было интересно. Потом был в Доме кино на открытии. Вчера выступал на Ученом совете факультета с отчетом о работе кафедры за первое полугодие. Товарищи остались довольны» (Б.М. Эйхенбаум заведовал кафедрой русской литературы ЛГУ в 1945–1946 гг. – А.К.).

31 января. «За это время несколько подвинулся в Толстом – кое-что уяснилось. 28-го читал большой доклад в Союзе писателей (в секции прозаиков) о Толстом. Выказал многое из того, до чего додумался... Вечером у Каверинных по случаю Сталинской премии: Шварц, Германы, потом приехал из радио Д.Н. Журавлев, читал басни Крылова, "Египетские ночи" Пушкина, стихи А. Ахматовой» (А.В. Каверин получил Сталинскую премию за роман «Два капитана» – А.К.).

3 февраля. «За последние дни было такое мрачное настроение и столько всякой суеты, что ничего толком не сделал».

4 февраля. «Сегодня начал заново писать главу о Толстом для "Истории литературы" – Казанский период. Написал 3 страницы – потратил четыре часа! Никуда не надо было идти – только и можно работать».

7 февраля. «Вчера день для работы пропал. Днем – в ИЛИ (Институт литературы – А.К.) заседание, посвященное Щедрину. Ужасный доклад И.И. Векслера – бред какой-то. Он совсем свинтился. Доклад Б.В. Папковского – с фанфаронством, без мысли и культуры. В.А. Десницкий хорошо сказал, что дальше прихожей "Отечественных записок" Папковский в этом докладе не пошел. У Десницкого плохой вид, и он все повторяет, что тяжело жить».

9 февраля. «Писал дальше о Толстом».

14 февраля. «Вчера в ИЛИ доклад И.З. Сермана "Проблема характера в «Преступлении и наказании» Достоевского" – очень плохо, и не только научно неинтересно, сухо, безжизненно, схематично, но и морально нехорошо – с ненужными цитатами из Ленина, Маркса, Энгельса, без веры, без уважения к научной мысли, без любви. И в итоге – старые, школьные выводы».

4 марта. «Вчера у Вячесловой – было хорошо. Ахматова была простой, веселой, чудной. Читала стихи, пила.

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор; к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

Это конец одного ее нового стихотворения. Ее сборник подписан к печати – должен выйти в марте. Вчера я чувствовал себя с ней легко. Необыкновенная женщина – как Россия. И ни один человек, конечно, ничего не стоит перед ней – прежде всего как человек».

1 апреля. «Вчера написал для "Вечернего Ленинграда" рецензию о повести Л. Борисова "Волшебник из Гель-Гью" (об А.С. Грине). Думаю, что не напечатают. Скрытая тема статьи – куда идет искусство и литература? Не к "классицизму" ли? Общие установленные нормы, при которых личность художника безразлична, темы величия государства, сентиментальные моменты – не к этому ли идет дело?..».

13 мая. «Сегодня звонили из "Ленинградской правды" – просили рецензию на сборник Ахматовой. Я отказался – не только потому что времени нет, но и потому что в газете все коверкают. Мы, говорят, заранее договоримся "там" и информируем вас о желательных мнениях; нет, говорю, это мне не облегчит задачи, потому что я могу писать только то, что думаю».

Учебный семестр шел к концу. Видимо, весной 1946 года – юбилейного для Эйхенбаума (в октябре ему исполнялось 60 лет) – Ученый совет филологического факультета Ленинградского университета выдвинул ученого в члены-корреспонденты Академии наук. В архиве ученого сохранилась производственная характеристика, которую, вероятно, следует датировать апрелем-маем 1946 года.

Производственная характеристика Б.М. Эйхенбаума:

«Доктор филологических наук, профессор Б.М. Эйхенбаум в настоящее время заведует кафедрой русской литературы (ПРАВКА: зачеркнуто «заведует кафедрой русской литературы» и вписано «читает лекции и ведет занятия, является одним из ведущих профессоров» – А.К.) филологического факультета Ленинградского гос. университета. Почти вся сорокалетняя научно-педагогическая деятельность Б.М. Эйхенбаума связана с Ленинградским университетом, воспитанником которого он был.

После окончания Университета Б.М. Эйхенбаум был оставлен при нем в 1914 г., выдержал магистерские экзамены в 1917 г., а через год получил приват-доцентуру на филологическом факультете. Сначала приват-доцент, а затем профессор Ленинградского университета, Б.М. Эйхенбаум вел на факультете разнообразные курсы и семинары по теории литературы, текстологии, по Л. Толстому, Лермонтову, истории русской поэзии и т.д. В области научного изучения Л. Толстого и Лермонтова Б.М. Эйхенбаум является общепризнанным автори-

тетом. Ему принадлежат также многочисленные ценнейшие работы по Державину, Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Лескову и др. Кроме того, Б.М. Эйхенбаум является автором выдающихся научных работ в области теории литературы, поэтики, текстологии.

Особенно велики заслуги Б.М. Эйхенбаума в издании русских классиков. Б.М. Эйхенбаум является одним из основоположников советской текстологии – дисциплины, получившей принципиальное обоснование и широкое применение в научно-эдиционной практике советского периода, когда вопросы издания классиков стали насущной задачей в культурной жизни страны.

Будучи свыше тридцати лет профессором Ленинградского университета, Б.М. Эйхенбаум является воспитателем нескольких поколений советских литературоведов, среди которых можно назвать ряд высоко-авторитетных ученых.

Выдающееся лекторское дарование Б.М. Эйхенбаума давно сделало его имя одним из любимейших и популярнейших в научно-общественных кругах и в широкой аудитории студенческой молодежи.

Лекционная деятельность Б.М. Эйхенбаума развернулась особенно широко в годы Великой Отечественной войны, когда он, не прекращая научной работы, выступал в госпиталях и в воинских частях, на заводах, в библиотеках и т.д. Так было в Ленинграде в самые страшные месяцы ленинградской блокады 1941–1942 гг., так было в эвакуации в Саратове, где Б.М. Эйхенбаум был вместе с университетом, и, наконец, снова в Ленинграде во время войны и после нее. Б.М. Эйхенбаум – активнейший деятель университетского лектория.

За научные и общественные заслуги Б.М. Эйхенбаум награжден орденом Трудового Красного Знамени и Знаком Почета, медалями "За оборону Ленинграда", "За доблестный Труд в Великой Отечественной войне".

Большой авторитет Б.М. Эйхенбаума, сложившийся в результате его научной и литературно-общественной деятельности, а также его плодотворная работа в Ленинградском университете дали основание Ученому совету филологического факультета выдвинуть кандидатуру Б.М. Эйхенбаума в члены-корреспонденты Академии наук СССР».

Зам. декана филологического ф-та
профессор /П.Н. Берков/ [2].
Из дневника Эйхенбаума:

17 августа. «15-го вернулся из Коломяк. Несколько раз встречался с Шостаковичем, который очарователен. Мальчик (Максим) страшно серьезен, деловит и молчалив; видно, что много думает и что-то понимает; девочка (Галина) будет, вероятно, очень красива. Был с Мариенгофами на даче Г.С. Улановой – видел ее и Ю.А. Завадского – очень декоративного и холодного, с лицом мальчика 15-ти лет. Уланова необыкновенно проста, естественна и мила. Дачка самая простая, почти деревенская; между двумя деревьями приделана палка для упражнений, моется в тазу».

Эйхенбаум вернулся в Ленинград в тот самый день (15 августа), когда Жданов выступал на собрании городского партийного актива в Смольном. На следующий день Жданов повторил свой доклад на общегородском собрании ленинградских писателей, которых тоже собрали в Смольном.

17 августа. «Теперь начинается новый трудный сезон. Он открылся вчера общегородским собранием

писателей в актовом зале Смольного... Была поставлена резолюция, которую вчера огласил А.А. Жданов

• К научной биографии Б.М. Эйхенбаума
этой резолюции решено с Зощенко и Ахматовой. Они предаются изгнанию из литературы и будут исключены из Союза (писателей – А.К.) ... Одним словом – обоим смертный приговор... После доклада Жданова были выступления разных людей, о которых умолчу: зрелище жалкое (Эйхенбауму как заведующему кафедрой литературы, одному из ведущих ленинградских критиков тоже было предположено выступить в Смольном, но он отказался – А.К.). Надо полагать, что теперь будет собрание (и не одно) в Союзе, где опять все это будет обсуждаться и где будет произведена церемония исключения Зощенко и Ахматовой из Союза. Возможно, что там придется не только голосовать, но и выступать. Задача! Надо прямо сказать, что я не считаю государственным преступлением, если не соглашусь с оценкой ЦК отдельных писателей или произведений, и что я считаю Зощенко и Ахматову крупнейшими русскими писателями».

19 августа состоялось заседание правления Ленинградского отделения Союза советских писателей, где главным на повестке дня было рассмотрение вопроса: «О литературной деятельности М.М. Зощенко и А.А. Ахматовой».

Под председательством А. Прокофьева собрался синклит не только из одних писателей. На заседании также присутствовали: Т.А. Кожемякин,правляющий в нужных местах председателя, партийный функционер местного масштаба; А.М. Егалин – заместитель начальника Агитпропа ЦК, редактор журнала «Знамя», избранный членом-корреспондентом Академии наук в 1946 году. Из московских литераторов был привезен для солидности С. Щипачев, отмеченный двумя Сталинскими премиями в 1949 и в 1951 годах, промолчавший все заседание.

Писатели – Саянов, Крат, Орлов, Никитин, Рахманов, Браун – единодушно клеймили Зощенко и Ахматову, требуя исключить их сразу из членов правления ленинградской писательской организации и из Союза писателей, что противоречило уставу Союза писателей.

Выступление Б.М. Эйхенбаума: «Я единственный седой человек, связанный с далеким прошлым, и для вас не будет неожиданностью то, что мне не так легко и просто отказать от впечатлений и мыслей, которые связаны с именем Анны Андреевны Ахматовой, через влияние которой я прошел. Было бы ложью с моей стороны сказать, что неделю тому назад я думал так, а сегодня думаю иначе. Я пришел послушать заседание правления в состоянии человека, который должен многое продумать в собственных вопросах в отношении к данным писателям.

Исходя из этого, я хочу сказать, что то, что я понял за эти дни, относится к историческим фактам, то, что мы слышали в резолюции ЦК, должно быть воспринято как факт объективного значения, который нужно понять. Это настолько крупный факт в жизни нашего союза, что основное понятие его в политической основе. Понять в обыкновенной политической жизни – это простить, в исторической понять – это «согласиться» до конца, бросить исторический свет на те явления, которые не совсем были поняты. Политический смысл того, что сказано в резолюции ЦК, стал всем ясен на том

заседании и в позднейшие дни, которые были отданы на то, чтобы разобраться во всем этом.

После окончания войны, в той стадии, в которой мы находимся, многое из того, что во время войны звучало как лозунг, теперь с этими лозунгами закончено, сейчас выдвигают все задачи и лозунги совсем другие. Это прежде всего надо понять, и в этом смысле мне ясно, что в отношении к таким явлениям, как М. Зощенко и А. Ахматова, должен быть поворот. Это резкая черта. То, что во время войны в какой-то степени было созвучно у Анны Андреевны Ахматовой, это порождало надежды, что в дальнейшем может измениться, то сегодня звучит в политическом свете вне времени или несовременно. Поэтому я считаю, что предложение Александра Андреевича (Прокофьева – А.К.) для меня в его политическом значении абсолютно ясно. В остальных отношениях – для меня это большая и мучительная работа над самим собой, и в чисто литературном отношении еще не все абсолютно ясно».

Эйхенбауму тяжело говорить. Превосходный лектор, блестящий оратор и полемист, он с огромным трудом подбирает слова, чтобы хоть как-то облегчить дальнейшую судьбу Зощенко и Ахматовой.

Эйхенбаум, единственный из выступавших, указал на историческую, политическую и литературную значимость постановления ЦК для отечественной культуры. Стоило ему включиться в общий хор одобряющих и восхваляющих постановление, его жизнь сложилась бы иначе. Эйхенбаум это хорошо понимал.

20 августа. «Вчера было заседание Правления Союза. Было обсуждение по типу того, какое было 16-го. Мне тоже пришлось: я сказал о политической стороне постановления, а о литературной стороне вопроса сказал: “Было бы никому ненужной ложью, если бы я сказал, что мне легко принять то, что было сказано об Ахматовой и Зощенко” и т.д. Это звучало некоторым отличием от вполне подлых речей Брауна, Никитина и прочих. На меня обрушился, было, секретарь Кожемякин, но не успел он окончить, как Прокофьев, не дав ни секунды времени, объявил голосование резолюции. Это было неспроста, а специально для того, чтобы не давать хода дальнейшему обсуждению моей речи».

Речь Эйхенбаума, однако, стала широко известна в кругах ленинградской интеллигенции и получила официальный резонанс.

24 августа. «С моим юбилеем вопрос будет решен в Москве – придать ли ему пышный жанр (“торжественное заседание”) или свернуть. Какая чепуха!».

Вероятно, в эти же дни или чуть позднее было решено не выдвигать Б.М. Эйхенбаума в члены-корреспонденты Академии наук.

4 сентября. «От одного товарища слышал, что в Москве мое и • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума ем на заседании правления – возможны некоторые выводы».

3 октября. «Завтра мне 60 лет. У меня мог бы быть сын 32 лет (Витюшка) и 24 лет (Дима). Не вышло» (оба сына Эйхенбаума погибли – А.К.)».

26 октября. «Хроника за эту неделю: 21-го вечером я был у Е. Шварца (день рождения – 50 лет) ... 22-го встал поздно и с утра не заходил в кабинет; С.А. Френкель, очень грустная – посидела и спрашивает, читал ли я последний номер “Культуры и жизни” (именно в этой газете было впервые опубликовано постановление от 14 августа 1946 г. – А.К.); оказалось, что у меня в кабинете лежит этот номер со статьей В. Рюрикова (Рюриков Б.А. – заведующий сектором искусств Агитпропа ЦК. Статья называлась «Вредная концепция профессора Б.М. Эйхенбаума» – А.К.). День провел ужасно – было плохо на сердце. Вечером съездил к П.Н. Беркову, который посоветовал мне снестись с А.А. Вознесенским (ректором Ленинградского университета – А.К.), как раз прилетевшим с юга на один день. Я позвонил – и Вознесенский назначил мне свидание 23-го в 3.30. Вознесенский принял меня очень сердечно и несколько раз сказал мне решительно, что моя профессура в университете остается “незыблемой”. На мой вопрос, продолжать ли мне сейчас занятия, сказал – продолжать, как ни в чем не бывало. На вопрос, как быть с кафедрой, сказал – “предоставляю это всецело вашему решению”. Я подал заявление об освобождении меня от зав. кафедрой».

29 октября. «Пока я объявлен живым – идет реконструкция. Даны, очевидно, соответствующие распоряжения.

Вчера на Ученом совете университета ко мне подошел Е.В. Тарле и громко сказал, что он с огромным интересом читает мою книгу о Толстом. “Благодарю Вас за то, что Вы ее написали”, – прибавил он и пожал мне руку».

11 ноября. «Работаю над Толстым. Вчера вечером были у меня Э. Найдич и Ю. Лотман – очень хорошая молодежь. Много говорили о Толстом и о Лермонтове. Сегодня был по вызову в Военкомате Дзержинского района – вручили официальное извещение о том, что Дима “пропал без вести” в октябре 1942 г. Так и остается неизвестность. Устал».

25 ноября. «Вчера весь день читал Ленина и Сталина (I том) для выступления на теоретической конференции филфака. Я строю все на теме сознательности и стихийности. Это, в сущности, центральная проблема всей нашей жизни и истории. Государство, построенное на научной основе. Что при таком положении искусство? Вопрос, существующий со времен Платона».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ленинград : журнал. – СПб., 1993.
2. РГАЛИ. Ф. 1524, оп. 1. Ед. хр. 836.